

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ОЛЕГА РОЯ

Мир над пропастью
Муж, жена, любовница
Улыбка черного кота
Дом без выхода
Капкан супружеской свободы
Обещание нежности
Нелепая привычка жить
Амальгама счастья
Обняться, чтобы уцелеть
Украденное счастье
Барселонская галерея
Эдельвейсы для Евы
Мужчина в окне напротив
Сценарий собственных ошибок
В сетях интриг
Галерея «Максим»
Банкротство мнимых ценностей
Вдали от рая
Паутина лжи
Игра без правил
Шаль
Тайна
Искушение
Тот, кто стоит за плечом
Письма из прошлого
Три краски
Одно чудесное пари
Человек за шкафом
Повторный брак

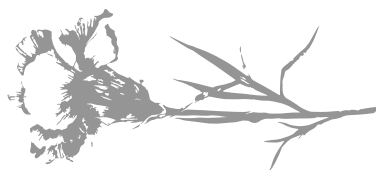
Дочки-матери, или Каникулы в Атяшево
Я тебя никому не отдам
Привет, моя радость!
Двойная жизнь
Фамильные ценности, или Возврату не подлежит
Писатель и балерина
Семь признаков счастья
Маскарад на семь персон
Синдром Атяшево
Не оставляй меня, любимый!
Код личного счастья
Тайный шифр художника
Зов дельфина
Герой ее романа
Верь в меня
Домовой
Запасной козырь
Принцесса отражений
Римские каникулы
Будем как боги
Зеленая тетрадь
Прости
Неслучайные встречи

Дилогия «Белый квадрат»

Лепесток сакуры
Захват судьбы

Трилогия «Три цвета любви»

Три цвета любви
Три ступени вверх
Три судьбы

*Памяти
моего сына Женечки
посвящается*

Часть 1

ЗНАМЕНИЕ

1

Брошена. Короткое глупое слово. Можно тысячу раз читать об этом в книгах, тысячу раз думать, что не найти сюжета банальней. Это так... Но лишь до тех пор, пока не бросят тебя. А тогда можно до бесконечности говорить о банальности тусклому зеркалу, откуда бессмысленно глядят на тебя пустые погасшие глаза.

Смотреть на свое осунувшееся лицо Ольга не могла. В зеркале не она! Там незнакомая усталая женщина ощутимо под сороковник, на лбу у которой написано: «Бедность. Безднадежность. Брошенность».

Она уже и не помнила, когда впервые увидела в зеркале эту незнакомку, почему не запаниковала, почему вдруг приняла ее полностью, позволив заменить себя настоящей. Может быть, когда пыталась склеить уже разваливающиеся отношения, прибежала с работы и принималась готовить — борщ, картошка, котлеты, — а потом заглядывать мужу в глаза, надеясь утешить того, кто в утешениях не нуждался... Или как раз в то время, когда у Сашки начались проблемы в школе и нельзя было упускать сына из вида... Должно быть, тогда эта незнакомка и пришла, не спрашивая разрешения, и заняла ее, Ольгино, место.

И теперь...

— Нет, это не я! Не я! — простонала, проскулила Ольга, закрывая зеркало рукой с давно облупившимся дешевым лаком на ногтях. Хотелось выть, биться головой о кафельную плитку, делать хоть что-нибудь — лишь бы разорвать этот замкнутый круг и выйти из зазеркалья. Она закусила губу и едва слышно застонала.

Что она сделала со своей жизнью?! Зачем?..

В висках молоточками стучал пульс — свидетельство поднимающегося давления. На негнущихся ногах Ольга вышла из ванной так, словно ступала по самому краю пропасти. А в общем, это и есть самый что ни на есть край пропасти. Дальше уже некуда. Обрыв.

На кухне она зачем-то перетерла и без того чистые тарелки, тщательно повозила тряпкой по столу и вдруг поймала себя на том, что уже какое-то время стоит перед часами, совершенно не видя циферблата. «Надо взять себя в руки», — пробормотала Ольга. Она потеряла виски, и взгляд несколько прояснился. Уже отчетливее стали видны простенькие часы в пластмассовом желтом корпусе, купленные еще в первый год супружеской жизни, — и снова ненужное напоминание. Сколько их, коварных свидетелей, еще таится в квартире, ожидая своего часа! Тем временем короткая стрелка приблизилась к четырем: скоро должен вернуться сын. Надо бы собраться перед его приходом. Бедный мальчик, на его плечи и так легла непомерная тяжесть, не нужно, чтобы он видел мать в таком состоянии.

Ольга включила чайник, заварила зеленый чай.

В квартире было тихо, как на кладбище, но тут тишину разорвал телефонный звонок, показавшийся ей сигналом новой беды. Она вздрогнула — не ждала хороших вестей. Телефон представился затаившимся в засаде хищником, готовым броситься на свою жерт-

ву. Ольга стояла над ним, не решаясь поднять трубку, но он звонил и звонил, отдаваясь в голове монотонной тихой болью.

— Да?.. — Оля наконец подняла трубку — лишь бы прервать бесконечно длящуюся пытку.

Треск помех, и вдруг — далекий, словно пыльный голос, даже сразу не поймешь, мужской или женский:

— Тебя бросили, ведь так?..

Ольга почувствовала, как похолодели непослушные пальцы, едва удерживающие трубку. В какой-то момент ей показалось, что эта трубка превратилась в ядовитую змею.

— Ты неудачница, понимаешь? — В голосе на том конце провода звучала явная насмешка. — Но у тебя еще есть шанс. Соглашайся на мое предложение...

Злость, кольнувшая в сердце, позволила Ольге наконец очнуться.

— Кто это говорит? Я сейчас вызову милицию! Хватит надо мной издеваться! — закричала она, захлебываясь собственным криком.

Тишина — и гудки. Короткие, тоже, несомненно, насмешливые.

Как ни странно, Ольге полегчало. Возможно, потому, что с криком из тела выплеснулась и часть боли.

Бросив трубку, она прошла в комнату, где на полке, за томиками дешевого издания «Сентиментальной библиотеки», купленной во время перестройки, когда хватали все выброшенные на прилавок книги, лежал неподписанный конверт.

Ольга вынула его из почтового ящика месяц назад и сама не знала, зачем сохранила. Внутри скрывалось короткое, распечатанное на принтере послание. Скорее записка.

Она села на диван и разложила листок на коленях.

«Твой муж — пьяница и неудачник, — сообщало письмо, — но тебе повезло: тебя заметил и выбрал один очень перспективный мужчина. У тебя есть воз-

можность изменить свою судьбу. Если ты согласна, позвони по номеру...»

Когда она получила это послание, первым чувством было негодование, а вторым, постыдным, скупая радость: надо же, оказывается, она еще способна нравиться... «Вот позвоню, и пусть Коля помучается!» — подумалось ей тогда. Звонить она не стала, но записку не выбросила, а прямо в конверте сунула за книги и забыла о ней — не до того было...

Тогда между ними с Колей встала ледяная стена. Ольга старалась пробиться сквозь нее, но чем сильнее обдирала пальцы об лед, тем толще он становился. Она еще любила Николая, еще помнила, каким он был до того, как все это случилось. И в сердце вопреки разуму еще жила надежда, что можно докричаться, сказать ему, что он не один... Но муж не слышал и уходил все дальше и дальше. И наконец, четыре дня назад, почти накануне первого сентября, ушел насовсем.

Она и сейчас видела этот вечер как наяву.

Вот они с только что вернувшимся из поездки, загорелым и возмужавшим Сашкой сидят на кухне. Грохот входной двери похож на выстрел. Почему-то Ольга в тот миг сразу подумала: случится что-то плохое. Предчувствие кольнуло отравленной иглой. В тесном пространстве крохотного коридора фигура мужа казалась особенно массивной. Он был вопреки обыкновению трезв.

— Я ухожу, — сказал Николай, не тратя время на долгое вступление.

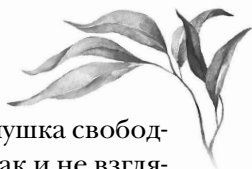
— У тебя встреча? — спросила жалко зачем-то она, хотя все уже поняла.

— Я ухожу совсем. Не могу больше.

Ольга беспомощно оглянулась на сына. Сашка замер, так и не донеся стакан с кефиром до рта.

«Это конец, — подумала она. — Но почему? За что?»
Вместо этого спросила только:

— И куда же ты?

— Поживу пока у приятеля. У него однушка свободная образовалась, — бросил Николай и, так и не взглянув на жену, отправился в комнату собирать вещи.

Ольга стояла, прислонившись к стене коридора. Смотрела на грязные потертые обои. «Надо бы сделать ремонт», — мелькнуло в голове, и сама удивилась, о каких пустяках думает. Неужели ничего уже не вернуть? Ни то бьющее в глаза солнце, ни долгую прогулку по ночной Москве, ни счастливую улыбку Коли и его — такую сильную, такую надежную — руку у нее на плече?.. Все прошло без следа — замели метели, смыли дожди, сожгло солнце... Год за годом. Не осталось ничего.

— Пап, ты что, спятил? Совсем спятил от своей водки, да?! — набросился на отца Саша.

Но Ольга знала — дело вовсе не в водке. Дело в другом. И сначала было то, другое, а водка — уже потом.

В душном воздухе повисло отчуждение. Оно пропитало всю квартиру, заполняя собой все пустые пространства, заползая в душу, стирая из нее все. Даже воспоминания.

— Отстань! — рыкнул Николай, отталкивая сына.

Сашка вскинулся. Еще чуть-чуть — и пойдет на отца с кулаками.

— Не надо, Сашенька! — Она обхватила сына руками, словно желая защитить его от всего мира, от жестокого взрослого мира, в котором мальчику теперь придется жить.

А потом Коля ушел. Не сказав больше ни единого слова.

И пришла пустота.

Со стороны входной двери послышался шорох поворачиваемого в замке ключа, отвлекая ее от ненужных воспоминаний. Сашка! Пришел уже!

Оля вскочила и быстро, словно ее застали за чем-то постыдным, сунула неподписанное письмо обратно в безликий конверт, а конверт на полку, за книги. Не нужно лишний раз волновать сына.

Он вошел в комнату — высокий, еще по-подростковому нескладный, но уже формирующийся в настоящего мужчину. Только сегодня Ольга с жалостью заметила, что рукава свитера стали Сашке слишком коротки и оттуда несуразно торчат худые загорелые после летних трудов руки.

— Ну что, опять плакала? — осуждающе спросил с порога сын. — И не качай головой. Я же вижу: глаза красные.

— Нет-нет, что ты, — поспешно пробормотала Ольга. — Книжку читала. Пойдем, я тебя накормлю. Голодный ведь...

Они прошли на кухню, где остывал ее невыпитый чай, и она суетливо принялась накрывать на стол, мысленно ругая себя за то, что не сварила суп. Ведь выдался выходной, а она и вправду весь день проплакала, как последняя дура. Себя жалела, вместо того чтобы парня пожалеть.

— Как там в школе? — спросила она, нарезая в сковородку вчерашнюю картошку с одной-единственной завалывшейся в холодильнике сосиской.

Сашка, уже помыв руки, сидел за столом.

— Нормально, — сказал он, следя за ее быстрыми и ловкими движениями. — Ирина, как всегда, нас по росту выстроила. Посмотреть, кто кого обогнал. «Запомните, — говорит, — ваших соседей. В конце года опять померяемся». Прямо как первоклашкам. А мы в этом году уже школу заканчиваем...

— Ну и кто у вас самый высокий? — спросила Ольга. Эта болтовня и эта шкворчащая на сковороде картошка становились спасательным кругом, заполняя страшную пустоту квартиры. Ведь если не заикливаться на деталях, можно подумать, что все как всегда, а Николай на работе или спит после дежурства...

— А у нас тройка лидеров без изменений! — гордо заявил Сашка. — Наш Вадик Каланча, как всегда, на

первом месте. Ренат Айдаров — на третьем. Ну а я — как раз между ними!

— Да, ты у меня вымахал! — Она потрепала сына по волосам и вернулась к сковороде — помешать картошку.

— Зато не угадаешь, кто у нас четвертый и пятый!.. — выпалил Саша и, не дожидаясь версий, тут же раздвинул завесу тайны. — Наша Барби, Алинка Кузьмина, теперь пятая, а как раз перед ней Темыч!

Ольга улыбнулась и кивнула. Алинка и вправду была девочкой высокой, настоящая манекенщица, даже сейчас видно. Жаль только, что немного глуповата... Да не беда — видно, лучше быть красивой, чем умной. Вот она сама как будто умная — и что же?..

— Наверное, были рады встретиться после каникул, — сказала Ольга поспешно, чтобы не погружаться дальше в трясину своих мыслей. Пока не поздно, пора по совету известного правдолюбца барона Мюнхгаузена брать себя за волосы и тащить прочь из болота.

— Это да... Только и разговоров, кто где был, кто какие чудеса видел, — мрачно заметил Санька, уткнувшись в тарелку, которую она перед ним поставила.

Две тысячи четырнадцатая школа, в которой учился Санька Сазонов, хоть и не имела никаких особых регалий и официально звалась просто средней школой с углубленным изучением английского языка, считалась престижной, одной из лучших в районе. Попасть в нее было непросто, богатенькие родители буквально осаждали кабинет директора, упрашивая, чтобы тот взял к себе их драгоценное чадо. Однако Роман Владимирович был в этом вопросе непреклонен. Сначала принимали ребят из близлежащих микрорайонов, и только потом, если останутся места, — всех остальных. Если бы не это правило, Санька

Сазонов, конечно, в две тысячи четырнадцатую никогда бы не попал.

И не пришлось бы ему белой вороной торчать среди своих расфуфыренных одноклассников, любивших повыпендриваться и показать, кто круче.

Вот и сегодня... Анталия, Хорватия, Таиланд, Куба, Бали — названия так и сыпались, точно на уроке географии. Полина Козлова по прозвищу Коза трещала про свою Италию, Лева Залмоксис сообщил, что прожил месяц у родни в Израиле и купался в Мертвом море, самом соленом в мире. Но интереснее всех рассказывала Лиля Варламова. С детским симфоническим оркестром, где она играла на виолончели, Лиля побывала на гастролях на юге Франции, в Ницце.

— Это сказочный городок, и он весь растянут вдоль моря! — с восторгом говорила девушка. — Место называется La Baie des Anges — залив Ангелов. Красота неопишная! Какие там пальмы на Английской набережной, какие цветы... А какой трамвай...

Рассказывая, она оживилась, раздумялась и так похорошела, что Саня невольно залюбовался. Отметил и то, какая женственная у нее фигурка, насколько приятный голос. И этот милый жест, которым Лиля убирала упавшие на лицо волосы.

— А ты, Сазон, как провел лето? Ну-ка колись! — вдруг повернулась она к Сашке.

Признаться, Санек растерялся. Лиля редко заговаривала с ним, впрочем, как и он с ней. А тут такой вопрос... Провокационный, между прочим.

Не секрет, что в их школе, впрочем, как и во многих других, мерилом для всех служило то, что по телевизору называют словом «благополучие», а молодежь выражает фразочками вроде «сколько у кого бабла».

И уже в младших классах ребятня обсуждает, кто у кого папа и мама, какие у них машины, квартиры и дачи. Мальчишки и девчонки оценивают своих одноклассников не только по личным качествам, но и по

рюкзакам и пеналам, машинкам и куклам Барби, курткам и кроссовкам. И чем старше становятся ребята, тем явственнее видно, куплена ли их одежда и обувь на оптовом рынке или в бутике, какой у кого мобильный и сколько денег дают предки на карманные расходы. Тот, у кого все дорогое и лучшее, пользуется уважением просто так, «по умолчанию», как называл это, используя компьютерный термин, лучший математик класса Лева Залмоксис. А тому, чьи родители были небогаты, приходилось из кожи вон лезть, чтобы завоевать авторитет, — и удавалось им такое крайне редко.

Как и каждый из его одноклассников, Санька Сазонов твердо знал свое место на этой невидимой лестнице. И вынужден был признать, что оно одно из последних, если не самое последнее в классе.

В этом смысле с родителями ему здорово не повезло. Отец, Николай Александрович, простой оперативник, мама, Ольга Сергеевна, — продавщица в продуктовом магазине, небольшом и неудачно расположенном поблизости от супермаркета. Популярностью у местных жителей магазин не пользовался, и это, конечно, напрямую отражалось на зарплатах сотрудников.

С самого детства Санька понял, что его семья хуже других. В младших и средних классах он страшно комплексовал по поводу своей бедности. Тогда ему виделся единственный выход из положения — стать лучшим, хорошо учиться. Но поскольку от природы он был не слишком сообразителен, учеба давалась ему тяжело. И мама, вернувшись с работы, просиживала с Сашкой вечерами. Когда-то она хорошо училась, однако за прошедшие годы позабыла школьные премудрости, и теперь мать и сын постигали их вместе, радуясь своим маленьким победам и переживая неизбежные поражения.

А летом... Лето Сашка провел вовсе не в круизах. Мамин двоюродный брат, живший на берегу Дона,

позвал племянша в артель плотников, строить турбазу. До сих пор, стоило Саньке зажмуриться, перед глазами тут же возникали ослепительные свежеструганные бревна, точно промеренные брусья, рыжие искры, летящие из-под жала стамески на точиле, и, конечно же — облака, плывущие в светлом небе, отражавшиеся в бесконечной речной глади.

И это был совсем другой мир. Не курортный и не школьный. Это был мир взрослый, серьезный. Мир тяжелого труда и доброй усталости.

Ему, конечно, было нелегко. Санек работал наравне со взрослыми, от зари до зари, ворочая бревна руками в матерчатых перчатках, чтобы не сбить ладони до кровавых мозолей. День за днем он махал широким плотницким топором, работал теслом и фуганком, конопатил и смолил, дымил наравне со старшими сигаретой на перекурах. А с выпивкой к нему, слава богу, не приставали — дядька на время работы установил строгий сухой закон. Бригадир никак не выделял племянника из остальных, поблажек ему не делал, но, когда пришло время расчета, заплатил как всем — по справедливости.

Вот это было настоящим праздником! Вернувшись в Москву, Санька сразу же, не забежав домой бросить вещи и помыться, рванул на «Савеловскую» — покупать компьютер. К началу учебного года он уже подсоединился к Интернету, накачал себе всякого-разного и, наверное, впервые за все школьные годы почувствовал себя не хуже других. Даже почти не хуже друга Темы — Артема Белопольского.

— Так, в деревне, — нехотя буркнул Саша в ответ на Лилин вопрос, едва ли не впервые в жизни обрадовавшись звонку, созывающему на уроки.

— Ешь, мам, а то остынет, — попросил Сашка, решив не углубляться в неоднозначную тему.

– Нет, Саш, сам ешь. Я... не голодная.

– Ах так!.. – Сашка с сожалением отставил тарелку, из которой так аппетитно пахло картошкой, что приходилось прилагать невероятные усилия, чтобы удержать скопившуюся во рту слюну. – Ну тогда я тоже есть не буду! Думаешь, ты одна переживаешь? Посмотри, какая худая стала. И синяки под глазами.

Ольга, всхлипнув, уронила голову на руки.

Сашка встал, неуклюже потоптался около матери, подозревая, что, пожалуй, перегнул.

– Ну что ты, мам... Я же хотел как лучше... Извини...

Она подняла голову и улыбнулась сквозь еще не высохшие слезы.

– Это ты извини, Санечка. Да, ты прав. – Ольга встала и принялась выкладывать себе со сковороды остатки картошки. – Я... я больше не буду плакать. И знаешь, даже хорошо, что отец ушел. Он очень много пил. Помнишь, как в коридоре спотыкался... И зарплату подчистую пропивал, а еще у меня брал... Теперь лучше будет. Знаешь, как мы с тобой заживем!..

Она говорила, сама не веря собственным словам. Но это было и неважно. Главное – заполнить паузу, главное – успокоить сына, заставить его поверить в то, что все будет хорошо, ведь Сашке всего шестнадцать. Еще, в общем-то, ребенок...

Санька серьезно кивнул.

– Все будет хорошо, – подтвердил он. – Ты у меня молодец. И знаешь, еще красавица...

Он произнес эти слова просто так, чтобы ее утешить, и вдруг понял, что сказал абсолютную правду. Мама даже сейчас была очень хороша – какой-то декадентской красотой, и напомнила Саше актрису немого кино, которую он как-то видел в странном черно-белом фильме. Те же тонкие черты, трагическая линия рта и огромные на худощавом лице глаза, густо

обведенные теньями. Только у мамы это не косметика, а следствие пролитых слез и бессонных ночей.

— Ты шутишь! — невольно улыбнулась Ольга. — Это я-то красавица?.. Хотя знаешь, раньше мне часто это говорили...

Она родилась и выросла на Дону, в небольшом заштатном городишке с одним-единственным заводиком, гордо называющимся градообразующим предприятием. Уже к началу школы стало заметно, что Ольга отличается от своих земляков. Тоненькая девочка с неожиданно аккуратными чертами и большими серьезными серыми глазами, казалось, была вылеплена из иного теста.

«Не останется здесь Оля, — говорили про нее уже в то время. — Видно, что не наша. Городская». Под городом подразумевалась, конечно, Москва или, на худой конец, Ленинград. И сама Ольга знала, что ее судьба не здесь, а в столице. А когда у девочки стал проявляться художественный талант, ни у кого не осталось сомнений в ее высоком предназначении.

— Погляди, погляди, как наша пигалица бабу Дусю изобразила! Дуся как есть! — радостно всплескивала руками мать, глядя на очередные почеркушки своей Оленьки.

Оля и вправду умела выхватывать и переносить на бумагу что-то главное. Вроде и набросок карандашный совсем пустяковый, а человек на нем как живой, сразу узнать можно.

— Тебе учиться надо, в настоящую художественную школу ходить, — говорила Оле учительница.

Да куда уедешь, когда вся родня тут. Разве что потом, после школы.

И шло время... Оленька росла, бегала с подругами в единственное в городке кафе, где продавали водянистое безвкусное мороженое, слушала супермодный «Modern Talking», Тото Кутуньо и «Машину време-